

ВЛАДИМИР ВОРОШИЛОВ: «Я СОГЛАСЕН НА ДОЛЖНОСТЬ МОНСТРА, НО...»

Ворошилов приобрел популярность небанальным способом, много лет не показываясь в кадре. Потом поклонники несколько раз все же увидели его и, кажется, поуспокоились. Хочу дать им совет: никогда не называйте «Что? Где? Когда?» викториной — Ворошилов этого не выносит.

— Я общаюсь со знатоками через обычный бытовой телевизор — вижу и слышу то же, что и вы, сидя дома. У нас с вами нет «несовпадения событий». Я на стороне телезрителей — они обездоленные, знатоки-то ведь могут помогать друг другу. Кроме того, это исключает возможность угадать ответ по моей физиономии.

— Вы считаете, ваше непроницаемое лицо к этому располагает?

— В самом начале я был в одном зале со знатоками, и они специально выделяли одного-двух человек, которые следили за моим выражением лица. Я пересел в другую комнату.

— И чем же это хорошо для вас?

— Да не для меня, для вас хорошо!

— А для меня-то чем?

— Да тем, что я защищаю ваши интересы — зрительские. Знаете, наше телевидение еще не ступило до конца. Мы преследуем цели, которые не нужны на Западе. Интеллект. Слышали такое слово? Надеюсь, не путаете его со знаниями?

— Слышала. Не путаю.

— Так вот, наша игра «работает» с интеллектом. И в ней есть уникальные вещи: публичный мозговой штурм, психологическая борьба между телезрителями и людьми в кадре. Такого рода вопросы — на интуицию, образное и логическое мышление, озарение — я не встречал нигде (я имею в виду телевидение). Это вызвало шоковое впечатление в Америке, Франции, Бельгии — везде, где я проводил публичные игры.

— Что вызывало шоковое впечатление?

— Такие вопросы, как у нас. Вы как-то не скватываете то, что я говорю. У вас диктофон, по крайней мере, пишет?

— Пишет. Вы ввели деньги, потому что игра стала выдыхаться?

— Думать и творить легче с приглушенным светом и за чашкой кофе — это как бы располагает к импровизации ума. Но в жизни приходится принимать мгновенные решения совер-

шенно в другой обстановке. Поэтому мы специально создаем дополнительные препятствия для знатоков. Чем больше, тем лучше. В Коране сказано: «препятствиями растем». Знатоки это уже поняли, хотя каждый раз протестуют.

— Одно из таких препятствий — вы?

— Да-да, мне много раз говорили, что я хам. Я не забочусь о своем имидже, моя задача — вывести из психологического равновесия своих противников-знатоков, дать им меньше шансов на то, чтобы они смогли плодотворно думать в минуту обсуждения. Единственное, чего я не могу — вторгаться в нее. Звучит таймер, и я затыкаюсь. Так что терроризирую я их сознательно. Остаются в этой ужасной обстановке, выдерживают ее редкие люди. Мы как бы селекционируем породу.

— Так мы про деньги...

— Деньги у нас всегда были категорией угнетаемой и презираемой. Они и сейчас не ассоциируются с честным трудом. Недаром до сих пор нет закона об интеллектуальной собственности, думаю, он будет принят последним. Как бы в пику этим обстоятельствам мы «ввели» этот закон у себя. И потом, вдохновение и деньги — вещи совершенно разные, и соединение их во времени и пространстве создает совершенно невыносимую раздвоенность у знатоков. Это очень серьезное препятствие. Кстати, если мы найдем еще какое-нибудь усугубляющее обстоятельство, то обязательно его используем.

— Вы торжественно-страшным голосом провозглашаете обычно, что проигравшая команда «навсегда покинет элитарный клуб». Не думаю, что зрители вам верят — это воспринимается всего лишь как ход в игре.

— Знатоки меня «сделали» в этом смысле. Я потерпел поражение. Они использовали правило: игра, завоеванная командой, — ее собственность, и стали отдавать друг другу игры. Круговая порука — поняли, что в одиночку не выстоят. Я считаю, это просто безобразие. Убежден, что отдать игру — все равно что поделиться женой даже с лучшим приятелем.

— Короче, вы мириться с этим не намерены.

— Мы обязательно примем контрмеры. Публика должна верить, что это русская рулетка, только интеллектуальная. Проиграл — умираешь.

— Вы так серьезно к этому относитесь?

— Есть ведь порода игроков, особая популяция людей. Я к ней принадлежу. Мы существуем двадцать пять лет, и бывали случаи, когда люди не только рыдали. Одна участница отложила операцию, поскольку нельзя было отложить поединок в эфире; знатоки разводились ради

игры, уходили с работы, если им мешала работа, два человека пытались покончить жизнь самоубийством.

— Вас это не пугает?

— Меня это радует.

— Подходящий повод для радости.

— Ну вырежьте это из интервью, если вам не нравится. Я еще раз повторяю: для вас это звучит странно. Игра для каждого из знатоков не телевизионное явление, а факт жизни. И чем острее, чем безжалостнее и серьезнее будет игра, тем лучше.

— Но пафос швыряния красных пиджачков часто выглядит комичным и нелепым.

— Это, очевидно, недостаток режиссуры. И потом, вы никак не можете понять: для знатоков ведь не пиджак важен, они кладут на стол свой титул, то есть опять-таки возможность играть.

— Похоже, вы непреклонны: игра и чувство иронии — вещи несовместимые.

— Я человек не ироничный, вы же чувствуете. Игрок, который не дорожит всерьез игрой, для меня просто не существует, я его ненавижу, и долго ему не жить. Но я должен сказать вам кое-что. Я согласен на роль монстра, однако нельзя обойти некоторые вещи. Мне кажется, в течение двадцати пяти лет мы делаем полезную работу, и в этом как бы наше оправдание. Однажды меня вызвал тогдашний председатель комитета, умнейший человек Сергей Георгиевич Лапин: «Владимир Яковлевич, вы понимаете, что вы государственный преступник? Вы учите людей думать! Сегодня игра, а завтра они начнут самостоятельно принимать решения! Вы же революционер!»

— Так и сказал?

— Программа лежала год, когда мы ввели волчок, который отдаленно напоминает рулетку. Как-то приказали вырезать носы — в одной команде три человека были похожи на евреев. До сих пор нас многие не любят — я имею в виду руководство, — но смотрят снисходительно, как на достопримечательность старины.

— Я ничего не имею против обращения «господа», но в вашей передаче оно почему-то выглядит как дань нынешней неуклюже-нарочитой моде. Особенно в пышном восклицании: «Ставки сделаны!»

— Я не думал, что это производит такое впечатление. Здесь нет идеологии и не было никакого специального решения — просто так получилось. Впрочем, если вам не нравится, мы это отменим.